
Александр Баженов
Бажаник. Семь сфер. Книга VII Исцеление

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга VII Исцеление

«Автор»
2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга VII Исцеление / А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Пройдя через битвы с силами тьмы, микромира и ноосферы, Артём обращается к самому сложному искусству — исцелению. Он поступает в медицинский колледж, чтобы стать фельдшером и научиться отличать внешнее негативное воздействие от внутреннего настроя человека, влияющего на здоровье. Вместе с верными друзьями и любимой Алисой он создаёт школу, где учит пациентов активировать семь сфер, использовать амулеты, обереги, талисманы и самовнушение как дополнение к традиционной медицине. Цитаты Гиппократа, Боткина, Франкла, Ослера и других великих врачей переплетаются с лирическими отступлениями о природе здоровья как гармонии тела и души. Эта книга — о том, что исцеление начинается с веры, а величайшее лекарство — любовь.

© Баженов А. Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Анатомия света 5
Глава 2. Ученики и скептики 6
Глава 3. Практика исцеления 7
Глава 4. Фельдшер 8
Глава 5. Пробуждение внутреннего света 9
Послесловие 10
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Бажаник. Семь сфер. Книга VII Исцеление

Глава 1. Анатомия света

ачало учёбы в медицинском колледже Артём поступает в медицинский колледж, чтобы стать фельдшером и научиться отличать внешнее негативное воздействие от внутреннего настроя человека. Первый урок анатомии. Знакомство с преподавателем Иваном Петровичем. Размышления о бабушке-враче и её мудрости. Цитаты Гиппократа, Галена, Экзюпери.

Глава 2. Ученики и скептики

Два месяца учёбы Семинар по психосоматике: спор с Денисом, который считает психосоматику лженаукой. Артём приводит научные аргументы — исследования Адлера, Перт, Франкла. Появление первых учеников: Лена, Михаил, Пётр. Денис остаётся скептиком, но начинает слушать. Цитаты Бэкона, Ослера, Бернара.

Глава 3. Практика исцеления

Три месяца учёбы Первый приём пациентов под руководством Ивана Петровича. Женщина с психосоматическими болями — исцеление через разговор. Мужчина с болями в суставах — случай энергетического вампиризма. Коррекция медикаментозного лечения. Спор с Денисом, который приходит в сад. Цитаты Вейль, Ослера, Пирогова.

Глава 4. Фельдшер

Выпускные экзамены Артём сдаёт экзамены и получает диплом фельдшера. Праздник в саду с друзьями. Первая работа в сельском фельдшерском пункте в Ольховке. Встреча с Анной Степановной, местной знахаркой, которая знала бабушку Артёма. Первый пациент — мальчик Ваня с приступом астмы. Цитаты Дьюи, Кьеркегора, Боткина, Кеннона, Бенсона.

Глава 5. Пробуждение внутреннего света

Два месяца работы в Ольховке Артём учит пациентов активировать сферы для исцеления. Работа с Анной Степановной — активация всех семи сфер пожилой женщины. Обучение деревенских женщин диагностике ауры, зарядке амулетов, использованию камней. Работа с самовнушением, аффирмациями, зеркальной сферой. Цитаты Алкмеона, Чопры, Бейтсона, Бенедетти, Павлова, Джеймса.

Послесловие

О призвании фельдшера. О слушании как высшей форме исцеления. О том, что исцеление — это путь, а не событие. Цитаты Швейцера, Гиппократа.

Глава 1. Анатомия света

Весна в яблоневом саду начиналась робко, словно пробуя почву подтаявшим снегом. Первые проталины темнели на склонах, и в них уже зеленела прошлогодняя трава. Воздух пах влажной землёй и чем-то неуловимо новым — тем, что бывает только в марте, когда зима ещё не ушла, но уже сдалась. Я стоял на крыльце и смотрел, как Алиса идёт по саду с корзиной: она собирала прошлогодние яблоки, уцелевшие под снегом, — сморщенные, но всё ещё сладкие.

Она остановилась, заметив мой взгляд.

— Ты опять на меня смотришь.

— Я всегда на тебя смотрю. Ты же знаешь.

— Знаю. — Она улыбнулась, и её улыбка, как всегда, началась в уголках губ и медленно разлилась по лицу, достигая серых глаз с янтарными крапинками. — Но сегодня ты смотришь как-то иначе. Что-то случилось?

— Я думаю. О бабушке. О её книге. О том, что она была врачом.

— Ты никогда не рассказывал подробно.

— Она была не просто врачом, — сказал я. — Она была целителем. Не только тела — души. К ней приходили люди, которым не помогали лекарства. Потерянные, отчаявшиеся, разуверившиеся в себе. Она сажала их на стул, наливала чай и говорила: «Расскажи мне свою историю. Но не так, как ты её помнишь. А так, как ты хотел бы, чтобы она была». И пока они рассказывали, она слушала. И часто этого было достаточно, чтобы человек начал выздоравливать.

— Слушание как лекарство, — задумчиво произнесла Алиса.

— Да. Она знала то, что потом подтвердила наука: слово лечит. И слово калечит. Всё зависит от того, с каким намерением оно произнесено.

— Ты хочешь пойти по её стопам?

— Не совсем. — Я помолчал. — Я хочу понять. Мы столько сражались с внешними врагами: Адитьи, Аннигил, Архитектор, Эринии. Но самые опасные враги — они внутри. Болезнь. Боль. Страх. Отчаяние. Мы умеем исцелять светом сфер. Но я не всегда понимаю, где заканчивается внешнее воздействие и начинается внутренний настрой. Где грань между порчей и самовнушением? Где граница между вирусом и тоской, которая ослабила иммунитет?

— И что ты хочешь делать?

— Учиться. Получить образование. Настоящее, земное. Фельдшер — это первый шаг. Бабушка говорила: «Чтобы лечить душу, нужно знать тело. Чтобы лечить тело, нужно знать душу. Они неразрывны».

Мария Васильевна, моя бабушка, была врачом в те времена, когда врач — это не просто профессия, а призвание. Она работала в сельской больнице, где один доктор на три деревни, и принимала роды, лечила воспаления лёгких, вправляла вывихи, утешала умирающих. Она знала, что таблетка помогает не всегда. Что есть болезни, которые не лечатся химией. Что иногда человеку нужен не антибиотик, а разговор. Не капельница, а прикосновение.

«Медицина — это не наука, — говорила она. — Это искусство. Искусство понимать. Искусство слушать. Искусство любить». Она верила, что тело и душа — это не два разных существа, а одно. Что болезнь тела часто начинается с болезни души. И что исцеление души часто начинается с исцеления тела.

«Врач лечит, природа исцеляет», — писал Гиппократ. Но бабушка добавляла: «А любовь помогает и тому, и другому».

Медицинский колледж находился в соседнем городе. Старое кирпичное здание с облупившейся штукатуркой, пахнущее хлоркой и старыми книгами. Я вошёл в него с трепетом — не тем трепетом, что бывает перед битвой, а тем, что бывает перед таинством. Здесь не сражались с демонами и тёмной материей. Здесь сражались с болезнью. С болью. Со смертью.

В первый день занятий я чувствовал себя чужим. Вокруг были студенты — молодые, взволнованные, кто-то только после школы, кто-то постарше. Они смотрели на меня с любопытством: возраст, спокойный взгляд, шрам на скуле, которого не было раньше, но который я получил в битве с Теневиками. Я не говорил им, кто я. Не рассказывал о сферах. Я пришёл сюда не учить — учиться.

— Артем? — окликнул меня преподаватель, пожилой мужчина с усталыми глазами и седыми усами. — Вы на фельдшерский?

— Да.

— Почему? В вашем возрасте обычно идут на повышение квалификации, а не с нуля.

— Хочу понимать, — честно ответил я. — Как устроено тело. Как связаны душа и плоть. Где проходит граница между болезнью, которая приходит извне, и болезнью, которая рождается внутри.

Он посмотрел на меня внимательно — так, как смотрят врачи, привыкшие видеть больше, чем говорят пациенты.

— Это правильный вопрос, — сказал он наконец. — Большинство студентов хотят выучить симптомы и назначения. А вы хотите понять суть. Это сложнее. Но интереснее.

— Я готов.

— Тогда добро пожаловать в анатомичку.

Анатомический зал встретил меня запахом формалина и тишиной, нарушаемой только шорохом шагов. В центре стояли столы, накрытые белыми простынями. Преподаватель — его звали Иван Петрович — подошёл к одному из столов и откинул простыню.

— Это тело человека, — сказал он. — Он завещал его науке. Относитесь к нему с уважением. Он — ваш первый учитель.

Я смотрел на тело — пожилой мужчина с тонкими руками и спокойным лицом, — и думал о том, как странно устроена жизнь. Я видел тела элементалей, сотканные из кварков и глюонов. Я видел тела Адитьев, состоящие из света. Я видел тела Архитектора и Маары, сотканные из снов. Но это тело — человеческое — поразило меня больше всего. Потому что оно было настоящим. Уязвимым. Конечным. И в то же время — вместилищем души.

— Мы начнём с костной системы, — сказал Иван Петрович. — Скелет. Основа. То, на чём держится всё остальное. Если вы не знаете, как устроены кости, вы не поймёте, как работает тело.

Я вспомнил Муладхару — красную сферу корня. Она тоже была основой. Той костью, на которой держался весь энергетический скелет. Без неё всё остальное теряло опору.

«Скелет — это архитектура тела, — говорил преподаватель. — А мышцы — его двигатели. Нервы — провода. Сосуды — трубы. А мозг — центр управления».

— А душа? — спросил кто-то из студентов.

Иван Петрович усмехнулся в усы.

— Душу, молодой человек, изучает не анатомия. Но если вы спросите меня, где она находится, — я скажу: везде. В каждой клетке. В каждом нерве. В каждом ударе сердца. Душа — это не орган. Душа — это жизнь.

«Тело — это храм души», — говорили древние. Но храм — это не просто здание. Это место, где обитает священное. Каждая кость, каждая мышца, каждый нерв — это часть храма. И когда храм разрушается, священное покидает его.

«Врач должен быть философом, — писал Гален, великий медик античности. — Ибо нет большой разницы между мудростью и медициной». Мудрость — это понимание связи между телом и душой. Медицина — это умение эту связь восстанавливать.

Бабушка говорила: «Болезнь — это не наказание. Болезнь — это послание. Тело говорит с нами на языке боли. И если мы не слушаем, оно говорит громче. Пока мы не услышим».

Дни учёбы летели быстро.

Я погрузился в анатомию, физиологию, патологию с той же страстью, с какой когда-то погружался в изучение семи сфер. Я сидел над учебниками до поздней ночи, рисовал схемы, запоминал латинские названия. Алиса иногда заходила ко мне в комнату, ставила чашку чая на край стола и уходила, не говоря ни слова. Она знала: сейчас мне нужно сосредоточиться.

Особый интерес у меня вызывали темы, связанные с психосоматикой — связью между психикой и телом. Преподаватель, Иван Петрович, однажды прочитал лекцию, которая перевернула моё представление о медицине.

— Психосоматика, — говорил он, расхаживая перед доской, — это не шарлатанство, как думают некоторые. Это научный факт. Стресс вызывает выброс кортизола. Кортизол подавляет иммунитет. Подавленный иммунитет открывает дорогу инфекциям. Инфекция вызывает болезнь. Болезнь усиливает стресс. Круг замкнулся.

— Но как разорвать этот круг? — спросил я.

— Вот! — он поднял палец. — Правильный вопрос. Разорвать круг можно двумя способами. Первый — убрать стресс. Второй — укрепить иммунитет. В идеале — и то, и другое.

— А если болезнь вызвана не стрессом? Если это внешнее воздействие? Вирус, бактерия, травма?

— Тогда мы лечим тело. Но даже в этом случае психика играет роль. Человек, который верит в выздоровление, выздоравливает быстрее. Человек, который опускает руки, умирает даже от неопасной болезни. Это не магия. Это наука. Плацебо и ноцебо — два брата-близнеца. Один исцеляет, другой убивает. И оба работают через мозг.

— Значит, грань между внешним и внутренним размыта?

— Именно! — Он посмотрел на меня с интересом. — Вы, Артем, задаёте вопросы, которые обычно задают на пятом курсе, а не на первом. Вы раньше учились?

— Учился, — уклончиво ответил я. — Но не медицине. Жизни.

«Душа и тело — это не две разные субстанции, — писал философ Барух Спиноза. — Это два атрибута одной и той же субстанции». То, что происходит в душе, отражается в теле. То, что происходит в теле, отражается в душе. Это не мистика — это физиология. Но в этом есть и магия.

Когда я смотрел на пациентов, которые выздоравливали благодаря вере, и на тех, кто умирал из-за отчаяния, я видел ту же энергию, что течёт через семь сфер. Свет, который мы носим в себе, — это не метафора. Это реальная сила. Сила, которая может исцелять. И сила, которая может убивать, если её заблокировать.

«Словом можно убить, словом можно спасти, — писал поэт Вадим Шефнер. — Словом можно полки за собой повести». Слово врача — это тоже оружие. Или лекарство. В зависимости от того, как его произнести.

Однажды вечером, после особенно трудного дня, я сидел на крыльце и смотрел на звёзды. Алиса вышла ко мне с двумя чашками чая и села рядом.

— Устал? — спросила она.

— Есть немного. Но это хорошая усталость. Как после битвы.

— Ты изменился за эти недели.

— В какую сторону?

— Ты стал… спокойнее. Глубже. Раньше ты был воином. Теперь ты становишься целителем.

— Одно другому не мешает. Воин защищает. Целитель восстанавливает. И то, и другое — служение.

— «Служение — это высшая форма любви», — процитировала она.

— Кто это сказал?

— Не помню. Может быть, твоя бабушка.

— Может быть. Она много чего говорила о служении. О том, что врач — это не профессия, а призвание. Что пациент — это не клиент, а гость. Что болезнь — это не враг, а учитель.

— Ты будешь хорошим врачом. Я знаю.

— Я ещё даже не фельдшер.

— Дело не в дипломе. Дело в сердце.

Она прижалась ко мне, и мы долго сидели молча, глядя на звёзды. Где-то там, в Набхалоке, Савитар и Ушас учили новые поколения Адитьев. Где-то в Шамбале Ригден Джапо читал мантры. Где-то в ноосфере Стражи Пробуждения охраняли сны людей. А здесь, на Земле, я учился тому, что знала моя бабушка: исцелять.

Такшака пришёл поздно ночью, когда Алиса уже спала. Он выполз из своей норы под дубом и сел рядом со мной на крыльцо. Его чешуя мерцала в лунном свете, а плащ из лунного шёлка струился, как вода.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Думаю.

— О чём?

— О том, как отличить внешнее воздействие от внутреннего. Как понять, что болезнь — это результат порчи, а не собственного настроя?

Такшака долго молчал. Потом ответил:

— В древней Индии, когда человек заболевал, к нему призывали двух целителей. Один — вайдья, врач тела. Другой — брахман, врач души. Вайдья осматривал тело: пульс, язык, цвет кожи. Брахман осматривал душу: мысли, эмоции, поступки. И только вместе они ставили диагноз.

— Почему же сейчас не так?

— Потому что люди забыли о душе. Они думают, что тело — это машина. Сломалось — починили. Но тело — не машина. Тело — это храм. А в храме нужен не только механик, но и священник.

— Значит, я должен стать и тем, и другим?

— Ты уже становишься. Ты изучаешь тело. Но ты уже знаешь душу. Семь сфер, которые пробуждены в тебе, — это мост между ними. Используй их. Смотри не только на симптомы. Смотри на свет. Если свет человека тускнеет — значит, что-то поразило его изнутри. Если на свете есть тень — значит, что-то воздействует извне.

— Как отличить тень от тусклости?

— Тень имеет границы. Она отбрасывается чем-то. Тусклость — это угасание. Она не имеет границ. Она просто… уходит.

«Болезнь — это нарушение равновесия», — писал Гиппократ. Но он не уточнял: равновесия между телом и душой. Между внутренним и внешним. Между светом и тьмой. Я должен был научиться это равновесие восстанавливать.

На следующий день на практике в больнице я впервые увидел пациента, чья болезнь была явно вызвана внешним воздействием.

Это была женщина лет сорока. Она лежала на койке, бледная, исхудавшая, с тёмными кругами под глазами. Диагноз в карте был: «Хроническая усталость неясной этиологии». Проще говоря — врачи не знали, что с ней.

Иван Петрович подвёл меня к ней.

— Посмотрите, Артем. Классический случай. Все анализы в норме. Органы здоровы. Но пациентка угасает. Что вы скажете?

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Синяя сфера между бровей раскрылась, и я увидел ауру женщины. Она была серой — не тёмной, не чёрной, а именно серой, как пасмурное небо. Но на этой серости были пятна. Тёмные сгустки, которые не принадлежали ей. Они были чужими. Привнесёнными.

— Это внешнее воздействие, — тихо сказал я. — Кто-то или что-то высасывает её энергию.

Иван Петрович посмотрел на меня с удивлением.

— Вы имеете в виду… порчу?

— Называйте как хотите. Энергетический вампиризм. Сглаз. Проклятие. Суть одна: её свет уходит не по её вине. Кто-то забирает его.

— И что вы предлагаете? Экзорцизм?

— Нет. Защиту. И восстановление.

Я подошёл к женщине и взял её за руку. Её пальцы были холодными. Я активировал Анахату — зелёную сферу сердца — и направил ей поток исцеляющей энергии. Свет хлынул из моей ладони в её, и я почувствовал, как её аура начинает очищаться. Тёмные пятна таяли, как лёд под весенним солнцем.

Женщина открыла глаза. Они были удивлёнными.

— Вы… что вы сделали? Мне стало легче. Впервые за много месяцев.

— Я просто напомнил вашему телу, как быть здоровым, — ответил я. — Остальное сделаете вы сами.

— Но как? Я не умею.

— Научитесь. Я помогу.

«Энергетический вампиризм — это не миф, — писал психолог Михаил Литвак. — Это реальность, которую можно объяснить с точки зрения психологии. Есть люди, которые питаются чужими эмоциями. Они провоцируют вас на гнев, на страх, на вину — и таким образом получают энергию». Но есть и другой вампиризм. Не психологический — энергетический. Когда кто-то сознательно или бессознательно подключается к вашему свету и высасывает его.

«Сглаз — это не суеверие, — говорила бабушка. — Это концентрация чужой негативной энергии на тебе. Как луч света, сфокусированный через лупу. Он может прожечь, если его не отвести». Я видел этот луч. Я видел эти пятна на ауре. И я знал, как их убирать.

Но важнее было другое: научить человека защищаться самому. Потому что исцеление, которое приходит извне, — временно. Исцеление, которое идёт изнутри, — навсегда.

Вечером того же дня я сидел в саду и записывал свои наблюдения в дневник. Алиса рисовала рядом, и её кисть тихо шуршала по бумаге.

— О чём пишешь? — спросила она.

— О том, что понял сегодня. О границе между внешним и внутренним. О том, что болезнь — это всегда диалог. Между телом и душой. Между человеком и миром. Между светом и тьмой.

— И как понять, кто в этом диалоге прав?

— Никто. Правда — не в победе одной стороны. Правда — в равновесии. В том, чтобы услышать обе стороны и найти третий путь.

— «Здоровье — это не отсутствие болезни, — процитировала она. — Здоровье — это гармония».

— Кто это сказал?

— Всемирная организация здравоохранения. Но я думаю, они позаимствовали это у Гиппократа.

— Или у моей бабушки.

Она рассмеялась — тем самым низким, грудным смехом, который я так любил. И я подумал: вот оно, исцеление. Не таблетки, не процедуры, не заклинания. Просто смех любимого человека в весеннем саду. Просто чашка чая на крыльце. Просто рука в руке.

«Лучшее лекарство — это любовь, — говорила бабушка. — Если она не помогает, увеличьте дозу».

Я закрыл дневник и взял Алису за руку. Её пальцы были тёплыми. Её свет пульсировал в такт моему. И в этот момент я знал: мы на правильном пути.

Глава 2. Ученики и скептики

Весна окончательно вступила в свои права. Яблоневый сад оделся в бело-розовую пену цветов, и пчёлы гудели над ветвями так громко, что этот гул был слышен даже в доме при закрытых окнах. Алиса поставила мольберт прямо под дубом и рисовала цветущие яблони — но не так, как рисовала раньше. Теперь в её мазках появилась та самая глубина, которую она подсмотрела у великих мастеров в Галерее Вечности: свет, пронизывающий лепестки, был не просто белым — он был золотистым, тёплым, живым.

Я собирался в колледж. Сегодня должен был быть трудный день: семинар по дифференциальной диагностике, на котором мне предстояло отстаивать свою точку зрения перед преподавателями и однокурсниками. Тема: «Психосоматика: наука или шарлатанство?» Иван Петрович, который успел разглядеть во мне не просто студента, а единомышленника, специально выбрал эту тему, чтобы проверить мои аргументы.

— Ты волнуешься? — спросила Алиса, не отрываясь от мольберта.

— Немного. Не за себя — за идею. Психосоматика — это мост между тем, что мы знаем о сферах, и тем, что знает земная медицина. Если я смогу убедить хотя бы нескольких человек, что душа и тело — это одно целое, значит, я не зря учусь.

— Ты убедишь, — сказала она. — Ты всегда убеждаешь. Потому что ты не просто говоришь — ты чувствуешь. А чувство заразительно.

— «Нет ничего более заразительного, чем энтузиазм», — процитировал я.

— Кто это?

— Сэмюэл Тейлор Кольридж. Английский поэт. Бабушка любила его стихи.

— Твоя бабушка вообще знала всё на свете.

— Она знала главное. Что любовь и знание — это две стороны одной медали. И что одно без другого неполно.

«Знание — сила», — писал Фрэнсис Бэкон. Но он не добавил: знание без любви — это разрушительная сила. Можно знать анатомию, но не чувствовать боль пациента. Можно знать фармакологию, но не понимать, почему человек отказывается принимать лекарство. Можно знать патологию, но не видеть за болезнью душу.

«Медицина — это наука неопределённости и искусство вероятности», — говорил Уильям Ослер, один из основателей современной клинической медицины. Но я бы добавил: медицина — это ещё и искусство любви. Без любви врач — ремесленник. С любовью — целитель.

Бабушка говорила: «Знание без любви — это фонарь без масла. Светит, но не греет». Я хотел, чтобы моё знание грело.

В аудитории собралось человек тридцать. Студенты, несколько преподавателей, и среди них — Иван Петрович, который сидел в первом ряду и загадочно улыбался в усы. Он знал, что сегодня будет жарко.

Тема «Психосоматика: наука или шарлатанство?» была написана на доске крупными буквами. Рядом стояли два стула: один — для защитников научного подхода, другой — для защитников психосоматики. Я сел на второй.

Моим оппонентом оказался парень по имени Денис. Высокий, худой, с острым носом и вечно прищуренными глазами, он напоминал мне Дхуму, Повелителя Иллюзий, — но не внешностью, а манерой говорить. Его голос был сухим, уверенным, лишённым интонаций.

— Психосоматика — это лженаука, — начал он, не тратя времени на приветствия. — Нет ни одного двойного слепого плацебо-контролируемого исследования, которое бы доказало, что мысль может вызывать болезнь. Всё, что вы называете психосоматикой, — это просто совпадения. Люди болеют, потому что в их организм попадают вирусы, бактерии, токсины. А не потому, что они «неправильно думают».

В аудитории зашептались. Кто-то кивал, соглашаясь с Денисом. Кто-то смотрел на меня с любопытством: что ты ответишь?

— Вы правы, — сказал я. — Вирусы, бактерии, токсины существуют. Но почему один человек, контактировавший с вирусом, заболевает, а другой — нет? Почему у одного рана заживает за неделю, а у другого гноится месяц? Почему при одинаковом диагнозе один пациент выздоравливает, а другой умирает?

— Генетика, — отрезал Денис. — Иммунитет. Факторы среды.

— Всё верно. А что влияет на иммунитет? Стресс. А что вызывает стресс? Мысли. Эмоции. Конфликты. Всё это — психосоматика.

— Это не доказательство. Где исследования?

— Исследования есть. — Я достал несколько распечаток. — Роберт Адлер, американский психолог, в тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году доказал, что иммунная система поддаётся классическому обусловливанию. Он давал крысам подслащённую воду вместе с препаратом, подавляющим иммунитет. Потом он давал только воду — и иммунитет подавлялся. Без препарата. Только за счёт условного рефлекса. Если у крыс работает, почему у людей не должно?

Денис нахмурился.

— Это эксперименты на животных. Они не всегда переносятся на людей.

— Хорошо. Кэндис Перт, американский нейробиолог, открыла нейропептиды — молекулы, которые передают сигналы между нервной и иммунной системами. Она доказала, что эмоции — это не просто «состояния души». Это биохимические процессы. Гнев, страх, радость — всё это имеет молекулярную основу. И эти молекулы влияют на иммунитет.

— И что? — Денис пожал плечами. — Это не значит, что мысль может исцелить рак.

— Нет, не значит. Но это значит, что мысль может помочь организму бороться с раком. Или помешать. В зависимости от того, какая это мысль.

В аудитории повисла тишина. Я видел, как несколько студентов подаются вперёд, заинтересованные. Среди них — девушка с короткой стрижкой и внимательными глазами, которая сидела в третьем ряду и что-то записывала. И парень в очках, который до этого скептически хмурился, а теперь задумчиво потирал подбородок.

— «Лечит не врач, лечит природа, — процитировал я Гиппократа. — Но задача врача — помочь природе». Психосоматика — это не замена традиционной медицине. Это дополнение. Это понимание того, что тело и душа — не два разных существа. Это одно существо.

После семинара ко мне подошли трое.

Девушка с короткой стрижкой представилась Леной. Она оказалась студенткой третьего курса, будущим терапевтом. Парень в очках — Михаил, он учился на хирурга, но интересовался альтернативной медициной. И ещё один — невысокий, коренастый, с простым крестьянским лицом и мозолистыми руками — назвался Петром. Он был старше всех нас, пришёл в медицину после десяти лет работы на стройке и смотрел на мир с практичностью, которая граничила с мудростью.

— То, что вы говорили, — сказала Лена, — это именно то, что я чувствовала, но не могла выразить. Я видела пациентов, которые выздоравливали вопреки прогнозам. И пациен-

тов, которые умирали без видимых причин. Я знала, что дело не только в лекарствах. Но мне никто не верил.

— Потому что это трудно измерить, — ответил я. — Приборов, которые меряют надежду, пока не изобрели. Но это не значит, что надежды нет.

— «Не всё, что считается, имеет значение, и не всё, что имеет значение, можно сосчитать», — процитировал Михаил.

— Кто это сказал? — спросил Пётр.

— Кажется, Эйнштейн. Или кто-то из его учеников.

— Это правда, — сказал я. — Мы не можем измерить любовь. Но мы знаем, что она существует. Мы не можем взвесить веру. Но мы знаем, что она исцеляет.

— Я хочу учиться у вас, — внезапно сказал Пётр. — Не просто медицине. Тому, что вы знаете. Тому, как вы видите людей. Вы смотрите на пациента — и видите больше, чем симптомы. Я тоже так хочу.

— Я ещё сам учусь, — возразил я.

— Тем лучше. Будем учиться вместе.

«Учитель — это не тот, кто учит, — писал философ Мартин Бубер. — Учитель — это тот, кто помогает ученику найти свой собственный путь». Я не был готов быть учителем. Я сам ещё сидел за партой, сам ещё зубрил анатомию, сам ещё путался в латинских названиях. Но Лена, Михаил и Пётр смотрели на меня так, словно я уже знал ответы на все вопросы.

«Тот, кто делится знанием, не теряет его, а приумножает», — говорила бабушка. Может быть, она была права. Может быть, уча других, я учился сам.

«Врач должен быть наставником, — писал Гиппократ. — Ибо исцеление — это не только лекарство, но и знание. Знание того, как быть здоровым». Я решил делиться знанием. Не только медицинским — тем, что я узнал за годы странствий по мирам. Знанием о свете. О сферах. О том, что тело и душа — это одно.

Но не все были на моей стороне.

После занятий, когда я шёл по коридору, меня остановил Денис. Он был не один — с ним стояли ещё двое студентов, такие же скептически настроенные.

— Артем, — сказал он. — То, что вы проповедуете, — это опасно.

— Почему?

— Потому что вы внушаете людям, что они могут исцелиться силой мысли. А когда они не исцеляются, они чувствуют себя виноватыми. «Я недостаточно сильно верил». «Я недостаточно старался». Это жестоко.

— Я никогда не говорил, что исцеление зависит только от мыслей, — возразил я. — Я говорил, что мысли — это часть процесса. Одна из многих. Не заменяющая лекарства, а дополняющая их.

— Но люди слышат то, что хотят слышать. Они услышат «мысль лечит» и перестанут принимать таблетки. А потом умрут. И виноваты будете вы.

— А что вы предлагаете? Говорить пациентам, что они беспомощны? Что от них ничего не зависит? Что они — просто мешки с костями, которые должны пассивно ждать, пока врач их починит?

— Я предлагаю придерживаться доказательной медицины. Без мистики. Без эзотерики. Без «света внутри».

— Свет внутри — это не мистика, — спокойно ответил я. — Это метафора. Метафора надежды. Метафора воли к жизни. А воля к жизни — это доказанный фактор выздоровления. Об этом писал ещё Виктор Франкл, психиатр, прошедший концлагерь. Он говорил: «У того, кто знает, ради чего жить, есть шанс выжить в любых условиях». Это не мистика. Это психология. Это наука.

Денис замолчал. Его прищуренные глаза сверлили меня, но я видел в них не только скепсис. Что-то ещё. Может быть, страх. Может быть, зависть. Может быть, просто нежелание признать, что мир устроен сложнее, чем ему хотелось бы.

— «Нет большего заблуждения, чем считать, что истина, которую ты постиг, — единственная», — процитировал я. — Это сказал не мистик. Это сказал Клод Бернар, французский физиолог, один из основателей экспериментальной медицины. Наука — это не догма. Наука — это поиск. И если мы перестанем искать, мы перестанем быть учёными.

Денис развернулся и ушёл. Его спутники — за ним. Но я заметил, что один из них, уходя, обернулся и посмотрел на меня с сомнением. Сомнением в своей правоте. А это уже начало.

Вечером в саду собрались наши друзья.

Такшака, который стал в последнее время молчаливее обычного — он много медитировал, и я подозревал, что он общается с кем-то из своих собратьев-Нагов на глубоких уровнях. Адитья, чьи золотые крылья блестели в закатных лучах. Синга, чья лунная грива сияла особенно ярко — он, кажется, впитывал весенний свет и возвращал его обратно. Архитектор и Маара сидели под дубом, держась за руки и о чём-то тихо беседуя. Три Эринии — София, Элеос и Элпис — расположились на траве и рисовали. После Галереи Вечности они не расставались с альбомами.

— Как прошёл семинар? — спросила Алиса, подавая мне чашку чая.

— По-разному. У меня появились ученики. И оппоненты.

— Это хорошо, — заметил Такшака. — Если у тебя нет оппонентов, значит, ты говоришь то, что все и так знают. А если у тебя есть оппоненты, значит, ты говоришь что-то новое.

— Или что-то старое, но забытое, — добавил Архитектор. — Мы с Маарой видели, как в древности лечили снами. Жрецы в храмах Эскулапа погружали пациентов в священный сон, и во сне им являлись боги и давали советы. Это была психосоматика. Задолго до того, как появилось это слово.

— «Всё новое — это хорошо забытое старое», — процитировала Маара.

— Именно. И то, что ты делаешь, Артём, — это не ново. Это древняя мудрость, облечённая в современные термины. Ты не придумываешь велосипед. Ты просто напоминаешь людям, что у них есть ноги.

После чая я пригласил Лену, Михаила и Петра в сад. Они пришли впервые и смотрели по сторонам с изумлением: золотые крылья Адитьи, лунная грива Синги, переливающаяся чешуя Такшаки, Архитектор и Маара, сотканные из снов, три Эринии, чьи лица хранили отпечаток былой тьмы и нынешнего света.

— Это… ваши друзья? — спросила Лена, и её голос дрогнул.

— Да. Это моя семья.

— Они… люди?

— Не все. Но это не важно. Важно, что они здесь. И они помогут нам понять то, чему не учат в учебниках.

Я посадил учеников в круг под дубом и начал с простого: с дыхания. С того, как дыхание связано с эмоциями. Как страх заставляет дыхание замирать. Как гнев делает его частым и поверхностным. Как покой делает его глубоким и ровным.

— Это физиология, — говорил я. — Когда вы дышите глубоко, блуждающий нерв посылает сигнал мозгу: «Всё в порядке». Мозг снижает уровень кортизола. Иммунитет укрепляется. Вы становитесь спокойнее. Это не магия. Это наука. Но для пациента, который впервые за много месяцев смог вдохнуть полной грудью, это чудо.

— «Дыхание — это мост между телом и душой», — процитировала Алиса, сидевшая рядом с альбомом.

— Да. И первый шаг к исцелению — это научиться дышать.

— Но как отличить, — спросил Пётр, — когда болезнь вызвана внутренним настроем, а когда — внешним воздействием? Вы говорили об этом на семинаре, но я не до конца понял.

— Хороший вопрос. — Я встал и подошёл к доске, которую Алиса приспособила для рисования, а теперь использовала для моих импровизированных лекций. — Представьте себе свечу. Она горит ровно. Вдруг пламя начинает колыхаться. Почему?

— Сквозняк, — ответил Михаил.

— Верно. Внешнее воздействие. А теперь представьте, что пламя начинает гаснуть, хотя сквозняка нет. Почему?

— Масло заканчивается.

— Именно. Внутренний ресурс. Так и с человеком. Если на его ауре есть тени, которые имеют чёткие границы и отбрасываются чем-то извне, — это внешнее воздействие. Сглаз, порча, энергетический вампир — называйте как хотите. Если же аура просто тускнеет, равномерно, без пятен, — это истощение внутреннего ресурса. Депрессия, выгорание, потеря смысла.

— И как лечить первое? — спросила Лена.

— Защитой. Нужно убрать источник воздействия или поставить щит. Этому я вас научу позже — это ближе к эзотерике, чем к медицине. Но даже в традиционной медицине есть аналог: если у пациента аллергия, мы убираем аллерген. Если инфекция — назначаем антибиотик.

— А второе?

— Восстановлением ресурса. Смыслом. Надеждой. Любовью. Это труднее. Антибиотик можно прописать. А смысл нельзя. Его можно только найти. Или создать.

— И как его найти? — спросил Пётр.

Я посмотрел на Алису. Она поймала мой взгляд и улыбнулась.

— С помощью тех, кто вас любит, — ответил я. — Смысл не существует в одиночку. Он рождается в отношениях. В любви. В служении. В творчестве. В том, что вы отдаёте миру.

«Тот, кто знает, ради чего жить, может вынести почти любое», — писал Фридрих Ницше. Виктор Франкл, психиатр, прошедший через четыре концентрационных лагеря, подтвердил это своей жизнью. Он заметил: те узники, у которых был смысл — дождаться родных, закончить научную работу, увидеть море, — выживали чаще. Те, кто терял смысл, умирали.

«Смысл — это не роскошь, — писал Франкл. — Это необходимость. Это кислород для души». Без кислорода тело умирает за минуты. Без смысла душа умирает за годы. Но умирает так же неотвратимо.

Бабушка говорила: «Если человек говорит, что ему незачем жить, — не спорь. Просто будь рядом. Твоё присутствие — это уже смысл».

Когда ученики ушли, Алиса подошла ко мне и взяла за руку.

— Ты создаёшь школу, — сказала она.

— Школу? — я усмехнулся. — Пока это кружок под дубом.

— Все великие школы начинались с кружка под деревом. Академия Платона — это была оливковая роща. Университет в Болонье — несколько студентов, собравшихся вокруг учителя. Ты на правильном пути.

— Я не чувствую себя учителем. Я чувствую себя учеником, который просто делится тем, что узнал.

— Это и есть лучший учитель. Тот, кто не перестаёт учиться.

Она поцеловала меня в щёку и вернулась к мольберту. А я остался стоять под дубом, глядя на звёзды, и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё несколько лет назад я был курьером на велосипеде, который не знал ничего, кроме дорог и сроков доставки. Теперь я стоял в саду, окружённый существами из разных миров, и учил людей тому, что когда-то узнал от бабушки.

«Знание — это сила, — писал Фрэнсис Бэкон. — Но мудрость — это умение этой силой делиться».

Я делился. И это делало меня сильнее.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.